

Юрий Михайлик

Желтый камень

* * *

А за черным гаем кличет Див и плачет.
Разве мы не знаем – что все это значит?
Из огня да в пламя прилетает птица.
Ей теперь над нами триста лет кружиться,
триста лет крылами обиды и гнева,
триста лет когтями царапая небо,
птица, Бога ради, не засти Стожары, –
только в птичьем взгляде есть отблеск пожара,
только в каждом слове есть капелька крови,
да полоска крови в закатной обнове.
И плывет над гаем, как пепел, навстречу,
и ложится в поле, как дым на ветру –
заки море перелэчу,
крылонька зитру...

* * *

Цыганских облаков разрозненные сны
плывут над головой, цветны и клочковаты.
А эти берега ни в чем не виноваты
и лишены вины до будущей весны.
Под тонким слоем глин – понтийский известняк,
все прошлые моря уже опять возможны,

и медленный возок качнется осторожно,
по склону уходя в колеблющийся мрак.
Там город позади. Там никаких огней,
и ночь еще легка, и ни о чем не помни
на узеньком пути вокруг каменоломни
с полынным серебром, светящимся над ней...

* * *

Если бы не этот желтый камень,
бывший морем столько лет назад,
если бы не этот дальний пламень –
в море утопающий закат,
если бы не хрупкая от зноя
неба средиземная судьба,
если бы не листьев надо мною
утренняя тонкая резьба,
если бы не приглушенный мерный
шепот волн, рожденных в глубине,
я бы позабыл тебя, наверно,
город мой, таящийся во мне.

